

УДК 398.221 (= 512.1)

ФЕНОМЕН ПАРАЛЛЕЛИЗМА ДРЕВНЕЙШИХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОНИМОВ

© М.Х.Бакиров

Опираясь на теорию ностратики о древнейшем культурно-генетическом родстве различных языковых семей, в статье на историко-мифологическом материале носителей этих языков выделяются и группируются по функционально-семантическому принципу общекорневые, параллельные названия целого ряда богов, которые восходят к ранним контактно-родственным взаимосвязям.

Ключевые слова: ностратика, праязык, глоттохронология, этимология, архетип, пантеон, теоним, бог, средиземноморско-кавказские языки, тюркские языки.

Согласно ностратической (от лат. *noster* – «наш») или борейской теории, индоевропейская, афразийская, картвельская, а также уральская и алтайская семьи языков являются генетически родственными, т.е. считаются появившимися в результате распада общего праязыка-предка или же благодаря целому ряду родственных диалектных групп. Если говорить конкретно, то из реконструированных В.М.Илличем-Свитычем¹ свыше 600 ностратических праформ-архетипов на долю алтайской семьи языков приходится 231 лексический корень, а на долю уральской – 202, что вкуче составляет подавляющее большинство выявленных общих лексем. Архидревность аналогичных и тождественных корней в ностратических языках подтверждается и глоттохронологическим, т.е. лексикостатистическим методом, разработанным американским ученым Моррисом Сводышем. Как показывают глоттохронологические результаты этого исследователя, коэффициент сохраняемости определенной части базовой лексики древних языков в течение ряда тысячелетий составляет достаточно большой процент, а именно: за первую тысячу лет сохраняется приблизительно 85 процентов слов, в течение второго тысячелетия – 72 процента и т.д. Процент сохраняемости и утраты слов основного ядра примерно одинаков во всех языках [2: 33-34]. А если учесть, что структура и корневая система тюркских языков носят сверхстойкий характер, то коэффициент изменчивости лексики у последних скорее всего даже ниже, чем у других языковых семей. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на древнетюркские рунические памятники Орхоно-Енисея, словарный состав которых, несмотря на их создание свыше тысячи двести – тысячи триста лет назад, продолжает оставаться довольно доходчивым и понятным и в настоящее время.

Для более ясного представления о древнейших истоках и первоначальных регионах ряда мифологических архетипов и архаических названий языческих богов, которые в той или иной форме обнаруживают себя в урало-алтайской мифологии, необходимо указать также на отдельные весьма оригинальные научные положения, касающиеся древнейших межъязыковых связей. Многие ученые, в частности иностранные исследователи Т.Баррау, Р.Колдуэлл, О.Шрадер, А.Тягараджу, Э.Татле, К.Бауда и российские ученые А.Б.Долгопольский [3: 106-119], Вяч.Вс.Иванов [4: 62-64], П.И.Пучков [5: 3-19], М.С.Андронов [6: 22-41], И.Г.Алиев [7: 300], К.М.Мусаев [8: 228], К.С.Кадыраджиев [9: 130-148], Ю.Б.Юсифов [10: 19-40], в своих исследованиях пришли к выводу о том, что в доисторическое время эламиты, дравиды и урало-алтайцы в регионе Средиземноморья и Иранского плоскогорья составляли единую языковую семью или родственные диалекты. В качестве подтверждения данного вывода можно указать на общее этимологическое гнездо из 72 слов, установленное Т.Баррау, издавна выражающее в дравидском и финно-угорских языках названия различных частей тела. Выявленные же российскими учеными общие лексические корни в алтайских и средиземноморско-каспийских языках в настоящее время доходят до нескольких сотен.

Ученик Иллича-Свитыча А.П.Долгопольский и американский ученый К.Рефрю тоже считают, что урало-алтайская языковая волна двигалась с Иранского плато и Средней Азии на север и восток [3: 116; 11: 114-117]. Притом, по утверждению К.Рефрю, носители этих языковых диалектов обладали навыками зарождающегося скотоводства и земледелия. Сюда же можно присоединить и известную теорию крупного лингвиста Н.С.Трубецкого, который одним из первых пришел к выводу, что индоевропейская общность образовалась в результате контактов и смешения

¹ См.: [1].

с урало-алтайскими и средиземноморско-кавказскими языками [12: 72-74].

Все эти перечисленные оригинальные факты являются, на наш взгляд, тем ключом, который позволяет глубже осмыслить и постичь феномен общности и параллелизма древнейших мифологических архетипов и названий богов-теонимов путем сближения и связывания народов различных языковых семей, находившихся когда-то в генетическом и контактно-культурном родстве. Нами выявлено довольно много однотипных или схожих теонимов, и они были объединены с отдельными наблюдениями других исследователей. Остановимся только на наиболее характерных из них.

Как известно, древнейшие имена богов связаны с солярной и небесной мифологией, а именно с поклонением солнцу и небу. Таков древнетюркский бог неба **Тенгре/Тенгери/Тейри/Танри**, который был характерен и для хуннов в форме *tha-riaj* (реконструкция С.А.Старостина). Он же в форме *Тэнгер*, *Тэнгри*, *Тэнгэрэ* и *Танара* имеется также в монгольском и тунгусо-маньчжурском пантеонах. Более того, боги неба с созвучными названиями были представлены и у других древних народов. У шумеров – это *Дингир*, и этой же идеограммой обозначились также ассирийские и урартские боги, у полинезийцев – *Тангароа*, китайцев – *Тянь* (t'ien), у средиземноморских эламитов – *Тир* из праформы *тингир* – божество. Сюда же примыкают, на наш взгляд, теонимы из германской мифологии, обозначающие бога грома: на древнегерманском – это *Тонор*, готском и немецком – *Донар*, а на французском – *Тоннере*.

Если исходить из того, что во многих языках корень-основа **тан/тай/тон/тин/тен/тей (дон/дин/ден/дей)** издревле обозначал звук, грохот (например, в индоарийском-ведийском языке *танйату* – гром, древнетюркском языке *тан/тай* – греметь, грохотать, *дай* – звукоподражание грому с раскатами, в чувашском *тин* – гром без дождя, китайском *тан/тянь* – звук, грохот, *тангу/тяньгу* – барабаны с различными звучаниями, немецком *доннар* – грохот грома, *доннер* – гром, французском *тоннерре* – гром, скандинавском *тонар* – звучание, грохот, в афразийских языках (кушит, сомали) *тун* – грохотанье, гул, *тунту* – барабан, дравидском дангурави – барабан, самодийском *тунту* – барабан, алтайском *тангур/дунгур* и бурятском *тэнгер* – шаманский бубен, удмуртском *донгыр* – грохот), то напрашивается вполне резонный вывод о том, что теонимы с корнем **тан/тай/тон/тян/тей(дон/дин/ден)**, идущие из глубины тысячелетий, образовались на основе звукоподражания грому. Одни из них

стали обозначать громовиков, а другие употреблялись в значении как небесного бога и божества вообще, так и в значении неба, например, название неба в китайском – *тянь*, японском – *тий/тей/тэн*, хуннском – *тан(ли)*, древнетюркском – *тенри/танри/тейри*, прусском – *дан(гус)*. К этому перечню можно добавить фонетический вариант того же корня, основанный на чередовании *т/д* → *ч/с*, – *чай/чий/чей*, обозначающий также звучание. Отсюда по-китайски *сай* у ряда тюркских народов *чай* – большой колокол, в древнетюркском *чий(чей)* – звенит, хуннском *чэн(ли)* – небо, на языке японцев острова Кохама *чий/чийи* – тоже небосвод. Указанные названия неба, думается, произошли как синонимы от чокующего варианта звукоподражательного корня *тан/тен (дан/ден)*.

Таким образом, получается, что первая часть или корень-основа **тен/тенг-тэн/тан/тай** теонима *Тенгри/Тайри/Тэнгэрэ* – это звукоподражательное слово, восходящее к грохоту грома. А гром, по представлению древних, является неотъемлемым атрибутом именно неба и небесного бога. К тому же происхождение данного корня-архетипа, думается, как нельзя лучше объясняется древнейшей формой словообразования, основанной на звукоподражательном принципе.

Что же касается второй части составного теонима *Тенгре/Тейре/Тангароа*, т.е. окончания или аффикса с фонетическими вариантами **ре/ри/ра**, то она, нам кажется, исходит из древнего названия солнца и ассоциирующегося с ним бога или божьего глаза. У полинезийцев, например, *ра* – солнце, *Оро* – бог солнца; у египтян бог солнца также назывался *Ра*, а в бореиском языке *ре/рэ* – солнце, рассвет, хурритском *Хурри* – утро, Земля Востока, алтайском **нара* – солнце, день, армянском *Ара* – божество весны. Позже от этих общих праформ произошли, по видимому, составные теонимы, а именно: одно из названий солнца на санскрите – *Рави*, *сура* – бог (в «Ригведе» всегда связывался с солнцем), древнеиранское *Митра* – бог солнца, древнеиранское *Индра* – бог небесного свода (солнце – его глаз), в древнегреческой мифологии *Аврора* (*ауро* – букв. «предрасветный ветерок» + *ра*) – богиня утренней зари; далее – производные слова с новыми значениями: семитское *ревин* – солнце-сын, итальянское *ре* – король, древнеиндийское *раджа* – царь, латинское *радиус* – луч, русские *радуга*, *заря*, *зарев*, чеченское *йре*, ингушское *уйра* – утро, татарское *рэшэ* – солнечное марево.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что теоним **Тенгри/Тангри/Тайра/Тэйре** произошел в результате слияния двух лексем:

звукоподражательного слова *тан/тай/тэн*, выражающего грохот грома, и *ре/рэ/ра*, обозначающего солнце, которые в совокупности стали употребляться как в значении неба, так и в значении небесного бога. Именно в силу того что понятие «тангри-бог» в широком смысле этого слова объединяло в себя кроме понятия неба также понятия солнца и молнии, у древних тюрков не было специальных общетюркских богов, олицетворяющих их в отдельности. Этим же объясняется и приближение древних тюрков вплотную к идее единобожества, завершившееся созданием довольно развитой религии Тенгрианства.

Надо подчеркнуть, что предложенная нами новая этимология отличается как от версии казахского тюрколога К.М.Мусаева, возводящей теоним Тенгир к древнему глаголу *тен* в значении «подниматься», «возвышаться» с присоединенным к нему суффиксом причастия *-ир*, так и от этимологии данного теонима со значением «муж зари» (*тай* + *ир*), предложенной якутским ученым Н.К.Антоновым. Интересующее нас древнетюркское слово *Тенгри/Тейре*, обозначавшее высшее языческое божество, оказалось весьма жизнестойким; пройдя около двух с половиной тысяч лет, дошло до наших дней и стало синонимом мусульманского бога Аллаха. Этот факт лишний раз подчеркивает преемственность и долговечность мифологических теонимов.

Близкий по звучанию Тенгри/Тэнгер корень *тор/тур* образует другой семантический ряд теонимов. К ним относятся древнегерманско-скандинавский бог грома *Тор*, древнеисландский бог неба – *Тюр*, ханто-мансийский небесный бог – *Торын*, эстонское и финское высшие божества *Таара* и *Тоора*. Дравидское название бога – *тиру/чиру*, чувашское – *туре*, карачайское – *тейри*, татарский теоним *тэре*, обозначающие языческое божество и икону с изображением христианского бога, продолжают ту же этимологическую линию. Ряд исследователей этимологию этих теонимов возводят к стяженным вариантам звукоподражательных грохоту грома слов (например, германско-скандинавское *тонар* – «греметь») и образованных от них теонимов-громовиков (*Тонор* – бог грома), а также к небесному богу *Тенгри/Тэнгер/Танара* алтайской семьи языков. К культовому и сакральному значению корня *тор/тура*, по-видимому, восходят и древнееврейское слово второго плана *тора* – закон, древнетюркское *тёрэ* – закон, обычай – и слова *тёрэ/тёрэ* – глава, господин, *тёр/тёр* – почетное место в юрте или доме, общие для ряда тюркских языков.

Отдельную группу составляют теонимы с основной *ан/эн/ен/ин*, также восходящие к архаическому субстрату древних языков Средиземноморья и Иранского плоскогорья. Мы имеем в виду то, что у шумеров небо называлось *ан*, бог неба – *Анум*, а «владычица небес», богиня плодородия – *Инанна*, слово же *эн* имело значения «бог», «владыка», «жрец». Примерами могут служить теонимы *Энлил* – «божество ветра» – и *Энки* – «бог земли». Из соседних народов, у халдеев, небо именовалось *ана*, *Ану* – бог неба, аккадцев *Анту* – богиня неба. Этот же корень имел и другую огласовку: у урартов названия бога – *ин/ину*, хуррито-субарейцев – *ене/ину*. Поразительно то, что аналогичные названия неба и бога с глубокой древности сохранились также в языке и мифологии у некоторых современных народов. Например, на языке коми *эн/еп* – небо, бог. В близкородственном коми языке удмуртском *инмар* – бог, при названии неба – *ин*, финском – теоним бога – *илма*, образованный из проформы *инма*. Кроме того, слово *ан* в языке коми и удмуртском языке означает *нёбо*, а в дравидском языке название неба – *аннам*, татарском – *айкау*, что, безусловно, связано с верхней частью рта и является как бы его «небом». А в древнетюркском зафиксированы слова *уган* – бог, всемогущий, *ынаг(инан-)* – вера, *йашын(йэшен)* – молния, в монгольском *наран* – солнце, тувинском *анган* – высота, верх. Анахита – богиня туранцев. Этот же перечень можно дополнить параллелями из пантеона палеоазиатов чукотско-камчатской группы: христианскую икону (бога) они называют *энэн*, а у коряков общее название бога – *анан*.

На наш взгляд, слово *ан* (бог) у тюркских народов стало даже своеобразным знаком – суффиксом класса диких животных, представлявшихся, по верованию наших предков, животными бога, т.е. не домашними, или не прирученными, вольными. Да и само слово в форме *ай(*ан)* в древнетюркском языке обозначало именно диких (< божественных) животных и присоединялось к концу их зоонимов как суффикс *ан*. Например, *тарпан* – дикая лошадь, *кулан* – дикий ишак, *кабан* – дикая свинья, *арслан* – лев, *болан* – олень, лось, *елан* – змея, *куян* – заяц, *каплан* – леопард, *абшан* – медведь, *келэн* – единорог. А у слов, обозначающих домашних животных, такого окончания нет: *ат* – лошадь, *айгыр* – жеребец, *сыгыр* – корова, *бузра* – верблюд, *кон/кой* – овца, *кечи* – коза и др. Данная зоологическая классификация, разработанная у древних тюрков, созвучна с классификацией такого же типа у семито-хамитских языков, где дикие звери маркировались с морфемой-кодом «б»: ди-б – волк, лаб-б – лев, дуб-б – медведь.

Не меньший интерес представляют также параллельные теонимы с древнейшей основой *кири/керм/кирум*. У народов Средиземноморского и Иранского регионов, в частности у эламитов и касситов, раскрывается суть теонимов *кири/кури/киур* – божество, владыка, у луллубеев *киурум* – бог [7: 83], у этрусков *каерим* – священный. В кавказском же регионе, в сванском и грузинском языках, путем чередования *б* и *м* (сравните с аналогичным чередованием у древних тюрков: *буз/муз* – лед, *бен/мен* – я) из той же основы произошли теонимы *керб/кереб* – бог, идол [13: 150; 14: 330-332]. Как установил лингвист Н.Я.Мартин, за корнем *керм/керум* скрывается древнее название змеи и дракона. Такое значение, связанное с культом змеи, сохранилось в древнеиндийском языке в форме *крими* и персидском (например, в «Шах-наме») – в форме *керм*. Нам кажется, от этих основ можно протянуть нить и к языческому названию *кереметь*, культ которого совместно с древнейшим культом змеи был характерен для угро-финских и отчасти тюркоязычных народов. Предложенное нами такое толкование происхождения и первоначального значения лексемы *кереметь* резко расходится с известной версией, которая, исходя лишь из созвучия слов, напрямую связывает его с арабским *кэрамэт* – щедрость, почесть, чудо (чудесная молитва ишана-мюршида). На наш взгляд, возведение названия места языческого моления и его духа-хозяина к суфийскому термину мусульманской религии, не соответствующей сути культового обряда, более чем сомнительно.

Неожиданные теонимы обнаруживаются и при сопоставлении слов с праформой *куар*. Таким именем, в частности, назывался гуннско-саварский бог грозы на Кавказе. Но генетические корни этого слова, думается, уходят вглубь, к древнеиранскому и урартскому пантеонам. В первом из них – в «Авесте» – *хвар/хварг* обозначал солнце (кстати, область с таким названием была зарегистрирована и на территории древней прикаспийской Мидии), а во втором, т.е. урартском пантеоне, бог плодородия именовался *Куара/Куера*, аналогичный бог у грузин – *Квара* [15: 233-234]. Имена этих богов, связанных с солнцем и молнией, почти дословно совпадают с архаичными названиями огня: у грузин – это *квара*, у чувашей – *кйвар*. К этому же ряду, безусловно, примыкает удмуртский диалектный теоним *куазь* – название бога неба, который первоначально имел праформу *куар*. Это же слово обозначает и погоду. Все эти боги, хотя в чем-то расходятся между собой, по своим функциям довольно близки друг к другу и принадлежат к древней-

шему мифологическому пласту и общей теологической основе.

В заключение остановимся еще на одном лексическом архетипе, обозначавшем в ряде древних культур солнце. Это, в частности, древнетюркское *кйн*, в большинстве тюркских языках *кйн*, *кён*, *кин*, *гйн*, *гйнеш*, в языках американских индейцев майя – *кин/кий*, инков – *кон* (**кён*). Благодаря солнцепоклонничеству, связанному с всеобщим культом плодородия и размножения, эта солярная лексема стала основой дошедшего до нас ряда архаичных теонимов. Мы имеем в виду древнетюркский *Кйн Теңри* (букв. бог-солнце; зафиксировано в памятнике X в. «Алгун йарук» – «Золотой блеск», а также манихейских памятниках), у инков *Кон-Тику* (Солнечный король, вар. принц) [16: 429-430] и *Йаш Кин* (Молодое солнце) у народности майя [17: 7-8; 18: 144-146]. Не является ли своеобразным реликтом древнего культа утреннего, новорожденного солнца сохранившееся в древнетюркском и татарском языках и слово *куйаш* < ко(н) + йаш – солнце молодое? Сравните также древнетюркское *йашык* – солнце. Наличие в аккадском языке сложного слова *шаррукин* – царь-солнце дает основание полагать, что праформа **к-н* – солнце была представлена и на ареале Передней Азии. Позже традиция отождествления или сопоставления верховного правителя с солнцем получила дальнейшее развитие и привела к возникновению целого ряда созвучных сословных терминов: *кон* (древнескандинавск.), *кинг* (англ.), *кюниг* (немец.), *инк* (ацтек) – король, царь, *кйнег* (тюрк.), *коэн* (евр.) – князь, *кун-кан* (эфталит.) – солнце-хан, а также появились производные другого типа: семитское *кэну/кёну* и древнетюркское *кённи* – верный, правдивый. Русский князь с эпитетом «красное солнышко» скорее всего также восходит к архетипу **к-н/кин* – солнце.

Подводя итог вышеизложенному, следует еще раз подчеркнуть, что между различными языками и их носителями с глубокой древности существовали как генетические, так и культурные связи, которые образовались еще в обширном регионе Передней Азии, Ирана и Кавказа. Наши прапрадеды унесли отсюда целый ряд исходных морфем-слов и праформы первоначальных теонимов, позже на своих новых территориях вплетали их в свои мифологии, а также по образцу таких моделей создавали новые. Этой удивительной преемственности, обусловленной древним родством и многосторонними взаимосвязями, мы обязаны нестареющей, вечно живой памяти наших предков.

1. *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь. – Т.1–3. – М.: Наука, 1971-1984. – Т.1. – 370 с. – Т.2. – 156 с. – Т.3. – 136 с.
2. *Сводеш Моррис.* Лексико-статистическое датирование доисторических этнических контактов // Новое в лингвистике. – М.: Иностр. лит., 1960. – С. 23 – 52.
3. *Долгопольский А.Б.* Какие языки родственны европейским? // Наука и человечество. – М.: Знание, 1971-1972. – С. 106 – 119.
4. *Иванов Вяч. Вс.* Об отношении алтайских языков к восточно-ностратическим // Историко-культурные контакты народов алтайской общности. – М.: Наука, 1986. – Ч.II. – С. 59 – 68.
5. *Пучков П.И.* Некоторые проблемы протоэтногенеза // Исчезнувшие народы. – М.: Наука, 1988. – С. 3 – 19.
6. *Андронов М.С.* Дравидийские языки. – М.: Наука, 1965. – 124 с.
7. *Алиев Играр.* История Мидии. I. – Баку: АН АзССР, 1960. – 560 с.
8. *Мусаев К.М.* Лексикология тюркских языков. – М.: Наука, 1984. – 228 с.
9. *Кадьраджиев К.С.* Структура и генезис кумыкских мифологических элементов палеотюркского происхождения // Мифология народов Дагестана. – Махачкала: Даг.фил. АН СССР 1984. – С. 130 – 148.
10. *Юсифов Ю.Б.* Ранние контакты Месопотамии с северо-восточными странами // ВДИ. – 1987. – №1. – С. 19 – 40.
11. *Рефрю К.* Разнообразие языков мира, распространение земледелия и индоевропейская проблема // Вест. древней истории. – 1998. – №3. – С. 112 – 121.
12. *Трубецкой Н.С.* Мысли об индоевропейской проблеме // Вопросы языкознания. – 1958. – №1. – С. 65 – 77.
13. *Март Н.* Еще о слове «челеби» // ЗВОРАО. – СПб., 1911. – Т.XX. – Вып. II–III. – С. 99 – 151.
14. *Меликишвили Г.А.* Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. I. Наири-Урарту. – Тбилиси: АН Груз.ССР, 1954. – 446 с.
15. *Булатов А.Б., Дмитриев В.Д.* Параллели в верованиях древних суваров и чувашей // Ученые записки ИЯЛИЭ. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд. 1962. – С. 226 – 236.
16. *Хейердал Тур.* Экспедиция «Кон-Тики» • Ра • – М.: Мысль, 1977. – 517 с.
17. *Кнорозов Ю.В.* Иероглифические рукописи майя. – Л.: Наука, 1975. – 260 с.
18. *Сулейменов Олжас.* Язык письма. – Алматы-Рим: San Paolo, 1998. – 497 с.

PHENOMENON OF PARALLELISM IN ANCIENT MYTHOLOGICAL THEONYMS

M.Kh.Bakirov

General and parallel names of a number of gods dating back to the early contact - related links are identified and grouped on the functional and semantic principle. The study is based on the historical and mythological material of the native-speakers, the foundation being the theory of nostratics.

Key words: nostratics, glottochronology, protolanguage, etymology, mythology, archetype, the pantheon, theonym, god, Mediterranean-Caucasian languages, Turkic languages.

Бакиров Марсель Хаернасович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории татарской литературы Института филологии и искусств Казанского федерального университета.

E-mail: otdelenie_tatfil@ifi.kpfu.ru

Поступила в редакцию 27.12.2011